

В.И. Пичет, А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов

Отечественная война и русское общество

1812-1912. Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

B11 **В.И. Пичет**
Отечественная война и русское общество: 1812-1912. Том 4 / В.И. Пичет, А.К. Дживилегов, С.П. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 324 с.

ISBN 978-5-458-13696-9

Отечественная война и русское общество (1812-1912). Том 4. Юбилейное издание. В данном и следующем томах со- средоточено описание наиболее горячих месяцев Отечественной войны 1812 года. Том 4 содержит второй и третий пе-риоды Войны, а также раздел "Москва при французах".

ISBN 978-5-458-13696-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

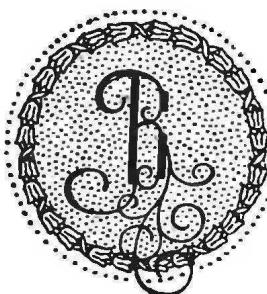

М. И. Кутузовъ.

— ВТОРОЙ ПЕРИОДЪ ВОЙНЫ. —

I. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

С. А. Князькова.

льчное отступление от Ньюмана и Вильны до Смоленска и дальше раздражало войско, и от Смоленска наша армия отходила въ очень удрученномъ состояніи. Что мы побѣждены и разбиты — этого ощущенія не было: напротивъ, многія отдельныя столкновенія съ французами заканчивались счастливо для нась, но такъ какъ основой нашего движения было отступление передъ превосходными силами непріятеля, то мы неизмѣнно одинаково «пятились» и послѣ удачныхъ столкновеній, какъ послѣ неудачныхъ. До Смоленска необходимость отступления объяснялась для солдатъ и офицеровъ тѣмъ, что разобщенные наши 1-ая и 2-ая арміи идутъ на соединеніе другъ съ другомъ. Послѣ Смо-

ленска, когда это соединеніе совершилось, и все же обѣ наши арміи поспѣль неудачной попытки перейти въ наступленіе, выдержавъ кровопролитный бой подъ Смоленскомъ, снова отступили, въ арміи громко заговорили о неспособности Барклая.

Отступленіе отъ Смоленска и вообще происходило въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Походъ по отвратительнымъ дорогамъ, по которымъ часто едва-едва могла пробраться крестьянская телъга, по холмистой и полной оврагами мѣстности, обильной еще вдобавокъ мелкими рѣчками и ручьями, на которыхъ еле держались мосты, часто разрушавшіеся подъ тяжестью орудій и обозовъ,—такой походъ и самъ по себѣ могъ только раздражать солдатъ, а вѣдь въ данномъ случаѣ армія, кромѣ всѣхъ указанныхъ неизвѣдъ, отступала и отступала по направлению къ Москву, а по пятамъ, преслѣдуя насъ, шелъ торжествующій непріятель, съ которымъ уже не пытались сколько-нибудь серьезно схватиться поспѣль Валутиной. «Войска шли тихо, въ молчаніи, съ растерзаннымъ и озлобленнымъ сердцемъ», разсказываетъ современникъ. Въ обществѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ тоже всѣ были недовольны Барклаемъ. «Вездѣ, куда достигали извѣстія изъ арміи, немногіе лишь постигали цѣль отступленія: всѣ же прочіе, видя только его послѣдствія, опустошеніе страны, пожары цвѣтушихъ городовъ и сель, грабежи и убийства, жаждали рѣшительного боя, долженствовавшаго, по ихъ мнѣнію, положить преграду дерзкому нашествію». «Вся Россія,—продолжаетъ историкъ войны 12 года,—оскорблена вражескимъ нашествіемъ, небывалымъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, не вѣрила, чтобы такое событие было возможно безъ измѣнъ или, по крайней мѣрѣ, безъ непростительныхъ ошибокъ главнаго вождя». Необходимость назначенія общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго становилась все болѣе очевидной. Въ арміи и въ обществѣ всѣ единогласно называли имя одного человѣка, который, по общему мнѣнію, только одинъ былъ способенъ поправить дѣло и направить его къ благополучному исходу. Всѣ называли, какъ желательнаго главнокомандующаго, старого екатерининского генерала Михаила Иларіоновича Кутузова, только что со славой закончившаго войну съ турками. «Въ Петербургѣ народъ,—разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій,—слѣдилъ за каждымъ шагомъ Кутузова, каждое его слово передавалось приверженными ему людьми и дѣлалось извѣстно; въ театрахъ, когда произносились драгоценныя для русскихъ имена Дмитрія Донскаго и Пожарскаго, взоры всѣхъ были обращены на Кутузова». Самъ онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, не юклонялся отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ, навѣщалъ вліятельныхъ лицъ и даже, какъ говорили тогда, старался заслужить благосклонность М. А. Нарышкиной, близкой къ государю особы. Александръ Павловичъ потомъ самъ писалъ своей сестрѣ, что въ Петербургѣ только о томъ и говорять, что главнокомандующимъ слѣдуетъ быть Кутузову, и что Ростопчинъ пишетъ изъ Москвы, что и вся Москва желаетъ видѣть во главѣ арміи Кутузова, а Барклая и Багратіона считаетъ просто неспособными для такого отвѣтственного поста. С.-петербургское и московское дворянство почти одновременно выбрало М. И. Кутузова начальникомъ мѣстныхъ ополченій. Рѣшеніе вопроса, кому быть главнокомандующимъ, императоръ Александръ поручилъ чрезвычайному комитету, состоявшему

изъ гр. Салтыкова, генерала Вязмитинова, гр. Аракчеева, генерала Балашова, кн. Лопухина и гр. Кочубея. Въ засѣданіи 5 августа комитетъ единогласно постановилъ, что главное начальство надъ всей русской вооруженной силой должно быть вручено генералу - отъ - инфanterии гр. М. И. Кутузову. 29 іюля Кутузовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости.

Михаиль Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ родился въ 1745 г. и въ данное время ему шелъ 78 годъ. За свою долгую жизнь М. И. Кутузовъ прошелъ хорошую военную школу подъ руководствомъ самого Суворова. Онъ былъ умный, способный, широко по тому времени образованный человѣкъ, за долгую жизнь, прожитую не даромъ, хорошо постигшій и людей и тѣ сферы военной, свѣтской дипломатической дѣятельности, гдѣ ему приходилось вращаться и гдѣ онъ всегда былъ и выступалъ замѣтной величиной. Человѣкъ придворный и свѣтский, Кутузовъ глубоко постигъ одно изъ правилъ этой жизни, гласившее, что языкъ данъ человѣку затѣмъ, чтобы скрывать свои мысли. Обходительный и ловкий, онъ умѣлъ сдѣлать себя необходимымъ при дворѣ Екатерины такъ же, какъ и при дворѣ императора Павла. Императрица Екатерина очень отличала Кутузова и всегда говорила о немъ съ похвалой, называя его «мой Кутузовъ», а императоръ Павелъ, какъ говорятъ, пропиль Кутузова на должность с.-петербургскаго военнаго губернатора, когда поколебался въ своемъ довѣріи къ Палену. «Куртизанъ», «придворный человѣкъ», «вездѣ уживается», говорили про Кутузова тѣ, кто ему завидовалъ. И тутъ было кое-что справедливаго.

Всегда себѣ на умѣ, съ хитрецой истаго великорусса, Кутузовъ привыкъ въ своихъ поступкахъ больше дѣйствовать ухваткой и руководиться вдумчивымъ расчетомъ, нежели дѣйствовать на проломъ и рисковать; только это его вѣчное «себѣ на умѣ» не было хитрецой мелкаго человѣка, вытекающей изъ извѣстной трусости: Кутузовъ былъ самъ по себѣ слишкомъ уменъ и крупенъ, слишкомъ хорошо зналъ себѣ цѣль, чтобы быть боязливымъ и трусливымъ въ сношеніяхъ съ людьми, но люди были для него только средствомъ въ достижени поставленныхъ имъ себѣ цѣлей личнаго благополучія и возвышенія, поэтому онъ не стыдился быть какъ бы двуличнымъ, когда ему это было нужно, хотя въ этой своей всегдашней готовности схитрить онъ все же никогда не переступалъ той границы, когда извѣстнаго рода хитрость можетъ привести человѣка къ поступкамъ мелкимъ и безнравственнымъ. Онъ былъ просто типичный человѣкъ XVIII вѣка, который съ легкой ироніей и насмѣшкой скользилъ надъ общими вопросами морали, не очень задумываясь слукавить и обмануть, когда это

Кн. М. И. Кутузовъ (грав. Кардели).

ему было полезно и выгодно, наблюдая только одно, чтобы эта готовность поступить не совсмъ согласно съ правилами морали никогда не нарушала то «благородство», которое истый человкъ XVIII вѣка считалъ основой житейской порядочности. Исключительный умъ спасалъ Кутузова отъ поступковъ рискованныхъ, могущихъ, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, «ошельмовать» человкъ. Довѣрившись Кутузову, на него можно было положиться; сдѣлавшись его врагомъ, отъ него надо было ждать борьбы, въ которой онъ допускалъ всѣ пріемы—какъ терпимые, такъ и нетерпимые житейской моралью. Человкъ ума холоднаго, расчетливаго, умьющій выжидать и не торопиться, Кутузовъ привыкъ дѣйствовать вдумчиво, осторожно; время и обстоятельства, хитрое и умное пользованіе ими, знаніе людей и искусство управляться съ ними,—все это Кутузовъ примѣнилъ и къ тому дѣлу, которому посвятилъ жизнь, т.-е. къ военному. Изъ него выработался полководецъ умѣлый, знающій свое дѣло, осторожный, но въ осторожности храбрый, не теряющій присутствія духа и спокойствія въ самыя критическія минуты. Зрѣло обдумывалъ онъ каждое свое предпріятіе и, подчиняя строгому, но широкому расчету каждый свой шагъ, онъ умѣлъ достигать тѣхъ цѣлей, которыхъ себѣ ставилъ, не приближая момента ихъ осуществленія поступками, которые заключали въ себѣ начало риска. На войнѣ онъ предпочиталъ дѣйствовать искусно построеннымъ передвиженіямъ, утомляя противника безконечными маневрами, сбивая его съ толку, выводя изъ себя. Выжиданіе онъ всегда предпочиталъ рѣшительнымъ эффектнымъ сраженіямъ, въ которыхъ если и бываютъ врага, то теряютъ много и своей силы. «Хитеръ, хитеръ! уменъ, уменъ! Его никто не обманетъ!» говорилъ про Кутузова Суворовъ и поручалъ ему предпріятія, гдѣ нужно было выжидать, прежде чмъ нанести рѣшительный ударъ. Но когда дѣло созрѣвало, Кутузовъ былъ навѣрняка. Обладая большою личной невозмутимой храбростью, онъ шелъ тогда впереди всѣхъ. За это ему пришлось два раза жестоко поплатиться: одна турецкая пуля ударила его въ високъ и задѣла глазъ, такъ что онъ сталъ потерянъ, а другая, попавъ въ щеку, пронизала ему шею.

«Неужели, дядюшка, вы думаете разбить Наполеона?» неосторожно спросилъ старика его племянникъ передъ самыми отъездомъ старого генерала къ армїи. «Разбить? нѣть,—просто отвѣчалъ Кутузовъ,—но обмануть—да, разсчитываю!» Конечно, Кутузовъ не былъ полководцемъ, равнымъ Наполеону, этому поэту и первостепенному художнику-мастеру войны, но Кутузовъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо зналъ и понималъ практику военного дѣла, какъ и его геніальный противникъ. И этимъ онъ былъ ему особенно опасенъ. «Изъ всѣхъ генераловъ, современниковъ Наполеона, развѣ только двое во главѣ армїй были достойны помѣриться съ Наполеономъ—это эрцгерцогъ Карль (австрійскій) да Веллингтонъ (англійскій генералъ), но осторожный и хитрый Кутузовъ былъ, однако, его самыи опаснымъ противникомъ», говорить одинъ иностранный военный писатель.

Для данной минуты, когда памъ поневолѣ приходилось отступать, медлительная осторожность Кутузова, въ которого вѣрило войско, была какъ разъ у мѣста. Но потомъ эта осторожность старого вождя въ соединеніи съ нѣкоторой старческой неподвижностью, болезненностью и уста-

лостью сказалась для успеховъ нашей арміи и съ отрицательной своей стороны: привыкнувъ дѣйствовать съ оглядкой, Кутузовъ часто при отступлениі Наполеона во время преслѣдованія его нашими войсками не находилъ у себя достаточно силъ и рѣшительности для того, чтобы разомъ покончить съ разстроенной французской арміей, и пропустилъ не одинъ удобный къ тому случай, хотя надо сказать, что тутъ вина не всегда была исключительно на его сторонѣ.

Императоръ Александръ Павловичъ не любилъ Кутузова и не довѣрялъ ни его военнымъ способностямъ, ни личнымъ свойствамъ, такъ какъ зналъ, что Кутузовъ не признавалъ его военныхъ талантовъ, которыми Александру Павловичу такъ хотѣлось обладать. Человѣкъ екатерининской эпохи и суворовской выучки, Кутузовъ былъ противъ павловской муштры войскъ на прусский образецъ и рѣзко осуждалъ всякую парадоманію, все то, что такъ по гатчинскимъ воспоминаніямъ любилъ императоръ Александръ. Расходились оба — царь и

„Ген.-фельдм. кн. Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, принимающій главное начальствованіе въ авг. 1812 г.“ ¹⁾.

¹⁾ Орлы, парившіе наканунѣ Бородинской битвы надъ головой Кутузова, много занимали вниманіе современниковъ. Нѣкоторые считали это миѳомъ. Къ такимъ относится Ростопчинъ: «по Москвѣ распространился слухъ, что во время осмотра войскъ два орла постоянно парили надъ головой Кутузова, но когда оказалось, что онъ все приближается къ Москвѣ, подобно своему предмѣстнику, то выдумка объ орлахъ была отброшена» («Р. Ст.», 1889, XII, 695). Были и такие очевидцы, которые заподозрили здѣсь «продѣлку» — орельбыть выпущены изъ заранѣе приготовленного мѣшка: это ободрило многихъ молодыхъ людей (Записки ген. Ковалевского, «Рус. Вѣст.», 1871, I, 94). Орла видѣли О. И. Глинка («Очерки Бородинского сраженія», ч. I, 39), Н. Н. Муравьевъ («Р. Арх.» 1881, X, 251) и др. Левенштернъ видѣлъ орла надъ головой Кутузова 5 октября («Р. Ст.», 1901, I, 116), а Муравьевъ слышалъ, что орель сопутствовалъ все время церемонии провода тѣла умершаго Кутузова въ Петербургъ. Историки Отечественной

главнокомандующий даже въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ отношеніе къ Наполеону. Въ то время, какъ императоръ Александръ все чаще повторялъ: «Или Наполеонъ или я!» и хотѣлъ полной гибели «корсиканца», Кутузовъ очень сомнѣвался, будеть ли такъ ужъ выгодно для Россіи рѣшительная гибель Наполеона, полагая, что этой гибелю воспользуются для своей пользы и вовсе не для нашей англичане, австрійцы, пруссаки. Будущее показало, кто быль болѣе правъ.

Итакъ, Кутузова назначилъ главнокомандующимъ императоръ Александръ вопреки своему желанію. Но выбирать было не изъ кого: Кутузовъ быль единственнымъ человѣкомъ, относительно военныхъ дарованій котораго ни у кого не было сомнѣнія, и именно его хотѣли видѣть во главѣ арміи всѣ, потому что всѣ въ него вѣрили, какъ въ единственнаго человѣка, который способенъ выручить и войско и отчество въ такую трудную минуту. Императоръ Александръ уполномочилъ Кутузова дѣйствовать въ качествѣ главнокомандующаго во всемъ по его, Кутузова, усмотрѣнію и разумѣнію, какъ Кутузовъ и просилъ. Одно только императоръ Александръ строжайше запретилъ Кутузову—вступать въ какіе-либо переговоры съ Наполеономъ. Кутузовъ со своей стороны вѣрноподданнически просилъ императора довѣриться во всемъ дѣль веденія военныхъ операций ему, Кутузову, и отказаться отъ личнаго присутствія въ арміи. Императоръ согласился на это. Въ день отѣзда Кутузова къ арміи, императоръ Александръ сказалъ: «Публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня лично, то я умываю руки». Въ письмѣ къ своей сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ императоръ Александръ еще рѣзче подчеркнулъ, что назначилъ Кутузова вопреки своему убѣжденію.

Прощаясь съ государемъ, Кутузовъ увѣрялъ его, что скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допустить непріятеля къ Москвѣ. Пока Смоленскъ быль въ нашихъ рукахъ, Кутузовъ могъ искренно давать это обѣщаніе. Но на первой станціи по пути изъ Петербурга къ арміи Кутузовъ узналъ, что Смоленскъ оставленъ нами. «Ключи къ Москвѣ потеряны», грустно сказа-
заль старый полководецъ, когда прочель донесеніе о занятіи Наполеономъ Смоленска. Но эти слова, какъ и обѣщаніе лечь костьми, вовсе не означали, что Кутузовъ рѣзко осуждалъ дѣйствія Барклая и готовился круто измѣнить систему дѣйствія противъ Наполеона. Въ кругу близкихъ онъ до отѣзда изъ Петербурга говорилъ: «До сихъ поръ мы все отступали, но, быть-можетъ, такъ и было нужно». Общее желаніе наступленія онъ поддерживалъ въ то же время молчаливой улыбкой согласія и даже официальными возгласами, что надо «лечь костьми». Истинныя свои намѣренія стариkъ держалъ про себя, убѣжденный, что на его отступленіе, конечно, и народъ, и войско, и общество посмотрятъ иначе, нежели на отступленіе Барклая.

войны дѣлали глубокомысленные заключенія по поводу факта, запечатленного на приведенной картинѣ. Отвѣтъ очень простъ: «Кутузовъ,—какъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербеевъ,—умѣлъ изобрѣсти и воспользоваться всѣми средствами къ поддержанію духа въ арміи: онъ велѣлъ обносить по всѣмъ полкамъ вывезенную изъ Смоленска икону Божіей Матери и въ каждой дивизіи отправлять торжественное предъ ней молебствіе. Онъ, если не измыслилъ самъ, то, по крайней мѣрѣ, допустить напечатать въ извѣстіи о первомъ появлѣніи его въ рядахъ войска, что какой-то залетѣвшій очень кстати въ необычайную для него сторону орелъ парилъ надъ головой новаго главнокомандующаго» (Записки, I, 429). Ред.

Къ армії Кутузовъ прибылъ 17 августа и засталъ войска въ полномъ отступлениі къ Москвѣ. Объѣзжая армію и здороваясь съ солдатами, Кутузовъ нѣсколько разъ сказалъ: «Ну, какъ можно съ такими молодцами все отступать и отступать!» Войска съ восторгомъ привѣтствовали стараго вождя. Настроеніе сразу повысилось, всѣ пріободрились и хотѣли только одного—рышательного боя съ французами. Унаслѣдовавъ отъ Суворова его удивительное умѣнье обращаться съ солдатами дружески-просто, Кутузовъ говорилъ съ ними на понятномъ народу языке и поддерживалъ увѣренность, что Москвы не дадимъ французу. Врагъ всякой пышности и показнаго параднаго блеска, Кутузовъ появлялся передъ войсками на маленькой казачьей лошадкѣ, въ старомъ походномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ бѣлой съ краснымъ окольшемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкой на ремнѣ черезъ другое. Эта винѣшность, напоминая суворовскую манеру, только поддерживала тотъ неподдельный энтузіазмъ, съ которымъ армія привѣтствовала назначение Кутузова. Врагъ всякихъ формальностей и шагистики, Кутузовъ узаконилъ своимъ распоряженіемъ всѣ многочисленныя и неизбѣжныя въ походѣ отступлениія отъ тогдашней очень сложной формы и этимъ очень облегчилъ солдатскую походную тяжесть. Канцелярія при немъ сократилась до необходимыхъ размѣровъ; чтобы отучить отъ лишней переписки своихъ подчиненныхъ и тѣмъ косвенно заставить ихъ поступать въ критическія минуты по собственному усмотрѣнію, Кутузовъ просто сталъ задерживаться въ подпiskѣ безконечныхъ бумагъ, притворяясь старчески-льнивымъ, забывчивымъ. Въ результаѣ генералы и офицеры сразу почувствовали, что главнокомандующій имъ довѣряетъ и имъ вѣритъ. Недовольны остались только любители канцелярской отписки и волокиты. Среди солдатъ пошла поговорка: «прѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Отступленіе ко дню прѣзда Кутузова къ арміи какъ-то само собой пріостановилось. Главная квартира нашихъ войскъ находилась въ этотъ моментъ въ сель Царево-Займище подъ Гжатскомъ. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Барклаемъ расположение нашихъ войскъ и ознакомившись съ мѣстностью, Кутузовъ нашелъ все превосходнымъ и удобнымъ для того, чтобы дать французамъ рышательное сраженіе. Силы нашей арміи доходили до 110 тысячъ человѣкъ. Всѣ думали, что назавтра предстоить бой, и войска готовились. Но на слѣдующій день, 19 августа, вдругъ неожиданно для всѣхъ послѣдовалъ приказъ—отступать. Въ донесеніи своемъ государю Кутузовъ объяснялъ свое отступленіе отъ Царева-Займища необходимостью принять на себя и распределить по полкамъ, сильно порѣдѣвшимъ во время боевъ на пути отъ Смоленска, подкрѣпленія, которыя двигались къ нашей арміи отъ Москвы. Кроме этого, ему, вѣроятно, нужно было нѣкоторое время, чтобы осмотрѣться и войти въ подробности, лучше узнать войска и особенно своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Осторожный Кутузовъ оставался вѣренъ себѣ и не хотѣлъ рисковать. Снова началось отступленіе; но войска шли въ другомъ настроеніи: ясно было, что Москвы безъ боя не отадутъ, и что стариkъ Кутузовъ хочетъ только выбрать мѣсто, болѣе удобное для битвы, да подтянуть къ себѣ подкрѣпленія. 22 августа наша армія расположилась на позиціяхъ у Бородина.

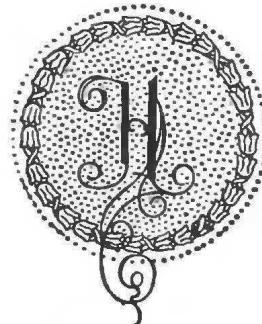
С. Князьковъ.

М. И. Кутузовъ, князь Смоленскій (М. Орловъ. 1888 г.).

II. Отъ Царево-Займища до Бородина.

Подп. В. П. Федорова.

астоящее описаніе имѣть цѣлью пополнить пробѣлы въ исторіи Отечественной войны за періодъ времени съ 17 по 24 августа, т.-е. за тотъ періодъ, когда, при отступлениі нашихъ 1-й и 2-й западныхъ армій къ Бородину, арьергардамъ этихъ армій приходилось вести непрерывные бои съ непріятелемъ. Эти забытыя военною исторіей сраженія сдѣлялись въ настоящее время всеобщимъ достояніемъ благодаря архивнымъ изысканіямъ полковника Н. П. Поликарпова.

17 а в г у с т а .

По прибытіи къ арміи въ с. Царево-Займище, князь Кутузовъ приказалъ для 1 и 2 армій составить одинъ «общій арьергардъ» подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Коновницына, но этому арьергарду именно и не суждено было сдѣлаться «общимъ» по той причинѣ, что французскій авангардъ наступалъ тремя параллельными колоннами. Необходимость, слѣдовательно, заставила и нашъ арьергардъ раздѣлиться на три отряда, хотя и имѣвшихъ между собою связь, но дѣйствовавшихъ вполнѣ самостоятельно. Изъ «общаго арьергарда», такимъ образомъ составились: «центральный арьергардъ» генералъ-лейтенанта Коновницына; правый (съверный) отрядъ генералъ-майора барона Крейда и лѣвый (южный) отрядъ генералъ-майора графа Сиверса. Въ с. Царевъ-Займище главнокоман-

дующій убъдился въ невозможности принять сраженіе по невыгодности позиції и отдалъ приказъ арміямъ отступать по дорогѣ къ Гжатску.

Еще 17 августа арьергарду Коновницына подъ натискомъ Мюрата пришлось отступить къ с. Цареву-Займищу и настыль, такимъ образомъ, на главныя силы армій. Это обстоятельство отчасти и было косвенной причиной поспешнаго отступленія князя Кутузова къ Гжатску.

Отрядъ генерала графа Сиверса въ этотъ день никакихъ особенныхъ дѣлъ съ непріятелемъ не имѣлъ, и къ 6 $\frac{1}{2}$ часамъ пополудни остановился въ сель Успенскомъ (въ 12 верстахъ отъ с. Царева-Займища). Такъ какъ дальниѣшихъ инструкцій отъ генерала-лейтенанта Коновницына въ его отрядѣ не было получено, то графъ Сиверсъ рѣшилъ, «по мѣрѣ его отступленія, производить и свое отступленіе».

О дѣйствіяхъ отряда барона Крейпа за 17 августа извѣстно лишь, что онъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ подъ Вязьмою, «гдѣ удерживалъ лѣвый флангъ большого арьергарда».

18 августа.

18 августа главныя силы арміи начали отступать отъ с. Царева-Займища по спѣшино и налегкѣ; притомъ настолько налегкѣ, что при полкахъ было оставлено всего лишь по два патронныхъ ящики; даже лазаретныя линейки были отправлены съ прочими обозами окружными проселочными дорогами, чтобы не задержать отступленія войскъ. Князь Кутузовъ

находился уже не въ Царевѣ - Займищѣ, а въ мѣстечкѣ «Старая Деревня» и оттуда послалъ князю Багратиону слѣдующее собственноручное сообщеніе. «По объясненію со мною Михаила Богдановича, что кавалерія 1 арміи за употребленіемъ оной чрезъ долгое время въ авангардѣ вмѣсто казацкихъ полковъ, при оной не состоявшихъ, ослабѣла до того, что на некоторое время нужно отдохновеніе и, слѣдственно, замѣненіе оной другою кавалеріею, я посему обращаюсь къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь мой, приказали завтрашняго числа въ помошь арьергарду 1 арміи въ приличномъ мѣстѣ выставить 15 эскадроновъ».

Кн. Кутузовъ Смоленскій, гр. Витгенштейнъ,
гр. Платовъ (К. Анисимовъ).

19 а в г у с т а .

И 1 и 2 армії, начавъ отступленіе по большой Московско-Смоленской дорогѣ, пройдя г. Гжатскъ, остановились бивакомъ при д. Ивашковъ. Конница Мюрата, корпуса Даву и князя Понятовскаго перешли въ наступленіе, вслѣдствіе чего арьергарду генераль-лейтенанта Коновницына, отступавшему всльдъ за арміей по той же дорогѣ, приходилось часто останавливаться для задержанія наспѣдавшаго непріятеля. Это поставило его въ весьма опасное положеніе, такъ какъ частыя остановки все болѣе и болѣе отдаляли его отъ главныхъ силъ, уменьшая возможность своевременного получения подкрѣпленій. Въ поддержку генераль-лейтенанту Коновницыну графомъ Сиверсомъ, по приказанію князя Багратіона, были высланы: Черниговскій и Харьковскій драгунскіе полки и Литовскій уланскій подъ командой генераль-майора Панчулидзева I, то-есть тѣ самые 15 эскадроновъ, о которыхъ главнокомандующій наканунѣ писалъ князю Багратіону.

Первая встрѣча арьергарда генераль-лейтенанта Коновницына за 19 августа произошла при самомъ Царевъ-Займищъ. Счастливому исходу этой встречи помогли лишь храбрость, хладнокровіе и находчивость піонеровъ 1 полка: Никифора Поносова, Онуфрія Тимашенко и Никиты Яковлева 1. Эти піонеры, «оставаясь послѣдними въ арьергардѣ, вызвались охотниками при быстромъ наступленіи непріятеля подъ сильными выстрѣлами, съ особеннымъ мужествомъ и неустрашимостью, уговоривъ товарищѣ, съ быстротою и скоростью важли мостъ, опустили плотину, чьмъ наводнили рѣку, а по окружющему непріятельскій берегъ рѣки болоту оставалась одна дорога чрезъ деревню, которую зажгли, остановили тѣмъ непріятельскую артиллерию и спасли черезъ то нашихъ ретирующихся егерей, которыхъ непріятель намѣревался отрѣзать».

Часть французского авангарда пыталась обойти правый флангъ арьергарда генераль-лейтенанта Коновницына, но отрядъ барона Крейца «не допустилъ непріятеля обойти нашъ правый флангъ». Мюратъ и Даву напирали такъ сильно, что арьергарду генераль-лейтенанта Коновницына пришлось отходить, отбиваясь чуть ни на каждомъ шагу и лишь къ вечеру усталый, изнемогающій арьергардъ расположился на позицію при деревнѣ Комкольнь¹⁾). Часть французского авангарда остановилась противъ позиціи генераль-лейтенанта Коновницына, а «довольно сильный непріятель принялъ вправо», т.-е. къ отряду графа Сиверса.

Параллельно съ арьергардомъ генераль-лейтенанта Коновницына отступалъ и отрядъ графа Сиверса, который, руководствуясь приказаниемъ князя Багратіона, «предпринялъ маршъ съ ввѣреннымъ ему арьергардомъ разными колоннами, которая одна за другою выступали». Это осторожное движение отряда графа Сиверса имѣло дѣлью не оставлять неприкрытымъ лѣвый флангъ арьергарда генераль-лейтенанта Коновницына. Отрядъ безпрепятственно достигъ до назначенного ему мѣста, с. Рожества, откуда графъ Сиверсъ донесъ князю Багратіону: «По окончаніи наступательнаго непріятельскаго движенія на арьергардъ 1 арміи, замѣчено, что непріятель,

1) Современная деревня „Калатонинка“ въ 10 верстахъ отъ г. Гжатска.